

А. В. Калачев

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анализируются особенности деятельности церковно-приходской школы в России во второй половине XIX – начале XX в. как массовой начальной народной школы. Показано предвзятое отношение к церковно-приходской школе в советской и современной российской историографии как к консервативной и реакционной структуре. Рассматривается взаимодействие и конкуренция земской и церковно-приходской школ в организации начального народного образования. Разбирается плодотворный этап 80–90-х гг. XIX в. как время расцвета церковного образования, ставшего массовым и достаточно эффективным.

This article analyses the activity of parish schools in Russia in the second half of the 19th-the beginning of the 20th centuries as mass public primary schools. The author emphasises the biased attitude to parish schools in Soviet and contemporary Russian historiography as to a conservative and reactionary structure. The article considers the interaction and competition between parish and zemstvo schools in the organisation of public primary education and focuses on the fruitful period of effective mass parish education in the 1880s – 1890s.

Ключевые слова: церковно-приходская школа, Святейший синод, Министерство народного просвещения, массовая народная школа, начальное образование, конфессиональная школа, идеология народного образования, училищный совет, традиционное народное воспитание, религиозно-нравственное воспитание, земская школа, средние духовные учебные заведения, церковно-учительские школы.

Key words: church, parish school, Holy Synod, Ministry of Public Education, mass public school, primary education, confessional school, ideology of public education, school council, traditional upbringing, religious education, zemstvo school, secondary religious educational institutions, parish teacher schools.

В последней четверти XIX в. серьезным конкурентом земской школы в деле народного образования стала церковно-приходская школа. Половина российских начальных школ в рассматриваемый период управлялась Святейшим синодом. Демократизм приходских школ, сыгравших значительную роль в обучении крестьянских детей и преодолении неграмотности сельского населения, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Однако в советской историографии церковно-приходской школы о ее роли в просвещении народа, по понятным причинам, написано очень мало. В церкви видели прежде всего орудие господства эксплуататорских классов, а в церковной школе – один из механизмов осуществления этого господства. «На новом этапе школьных контрреформ, – говорится в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР», – самодержавие решило предпринять более энергичное и решительное наступление на народную школу, и главным орудием этого наступления была избрана церковь. <...> Церковно-приходская школа была, безусловно, самой реакционной по идейному содержанию и самой отсталой по способам воспитания и обучения детей среди всех разновидностей начальной школы России» [6. с. 75, 100].

Предвзятость и резко негативное отношение к любому типу конфессиональной школы, особенно к школам ведомства православного исповедания, также часто встречается в дореволюционной педагогической литературе либерального направления. Почти все советские авторы охотно цитировали то место из «Истории русской педагогики» П. Ф. Каптерева, где он пишет о том, как церковно-приходская школа превращает ребенка в «церковную тварь». В первоисточнике эта мысль выглядит так: «Защитниками церковно-приходской школы русское дитя понимается не столько как русское, сколько как церковное существо, которое следует учить не ради его человеческого достоинства, не ради его русской национальности, а для того, чтобы образовать из него церковную тварь» [3. с. 461].

Обычно ясного, убедительного и доброжелательного по тону П. Ф. Каптерева здесь не узнать. Неужели он на самом деле считал, что, например, такие «защитники церковно-приходской школы», как К. П. Победоносцев или С. А. Рачинский, выступали за то, чтобы «русское дитя» учить «не ради его человеческого достоинства, не ради его русской национальности»? Или зачем это явное противопоставление «русского дитя» православной церкви? Ведь известно, что исторически и культурно русский народ сформировался на основе православия, что разнородные его «части» были объединены в нацию православной верой и Церковью, что традиционное народное воспитание – это прежде всего воспитание церковное.

Истины ради отметим, что в адрес церковно-приходской школы П. Ф. Каптерев находил и добрые слова: «В церковно-приходской школе есть одно весьма ценное педагогическое свойство — стремление не только учить, но и воспитывать обучаемых, забота о христианском настроении и христианской жизни учащихся. Это — вековое стремление русской педагогики» [3, с. 463—464].

Как видим, «воинствующим атеистом» П. Ф. Каптерев не был, но различать религиозное воспитание и церковное воспитание считал необходимым. Религиозно-нравственное воспитание, по его мнению, должно занимать важное место в деятельности любой школы — и церковной, и светской. Но в «оставшееся от него время» светская школа вооружает своих учеников необходимым объемом светских знаний, чего не скажешь о церковной школе, в которой воспитание тесно связано с богослужбной деятельностью, церковным пением, церковной обрядностью и т. п. Времени на приобретение учениками «полезных» знаний совсем не остается. Ясно, что из такой школы ничего, кроме «церковной твари», выйти не может.

Любопытно, что нелюбимой им церковно-приходской школе П. Ф. Каптерев отказывает в превосходстве над светской школой даже в осуществлении религиозно-нравственного воспитания. «Та же воспитательность, — пишет он, — есть главнейшее требование и от церковной школы, но воспитательность не только поклонами, лампадами и постами» [3, с. 468]. Образцом подлинной «воспитательности», по его мнению, должна стать земская школа: «Земская школа непременно должна усилить воспитательную сторону обучения и всей своей организации. Для этого нет необходимости заводить чтение псалтыри и часослова, для этого есть много и более новых, и более действенных средств... Учить поклоняться Богу духом и истиной можно даже и преподаванием арифметики. Сохраняя свои гуманные начала и общечеловеческие заветы, пусть земская школа будет воспитательной» [3, с. 468].

К сожалению, помешать осуществлению этой благородной цели могла церковно-приходская школа, ведь она, считает П. Ф. Каптерев, «порождена недоверием правящих кругов к земской школе и создана для противодействия ей. Она есть плод политических соображений и предназначалась для вытеснения и замены земской школы» [3, с. 465]. Авторитет П. Ф. Каптерева настолько высок, что и до настоящего времени встречаются работы, в которых главной причиной создания церковно-приходских школ называется «вытеснение и замена земской школы».

Впрочем, в своем противопоставлении земской и церковной школ П. Ф. Каптерев не всегда так категоричен. Вот, например, мысль, с которой трудно не согласиться: «Земской и церковной школам нужно бросить взаимные попреки, что одна будто бы готовит космополитов и неверующих, а другая — дьячков и пономарей, оставаясь каждая самой собой, а соперничая в благоустройстве и педагогической целесообразности» [3, с. 468]. Как видим, здесь П. Ф. Каптерев совсем не против того, чтобы церковно-приходская школа, готовящая «дьячков и пономарей» («церковных тварей»), «оставалась сама собой», соперничая с земской школой. Но тогда мы получаем право предположить, что несправедливое обвинение церковной школы в якобы пренебрежительном отношении к воспитанию человеческого достоинства, к национальным основам воспитания было высказано им сгоряча, в пылу острой полемики, под влиянием сложившейся политической конъюнктуры и т. п.

Что же касается призыва П. Ф. Каптерева соперничать земской и церковной школам в «благоустройстве и педагогической целесообразности», то он, как нам кажется, говорит не о том, чего еще не было, но должно быть, а о том, чего было пока недостаточно. Зато вполне достаточно в отношениях между этими школами было того, о чем здесь П. Ф. Каптерев не счел нужным упоминать: соперничества в политической целесообразности. Нельзя не учитывать тот исторически конкретный общественно-политический контекст, которым определялись цели и задачи народной школы, ее «философия» и социальный смысл.

Освобождение крестьян поставило государство перед проблемой обучения многомиллионной народной массы. Но еще до освобождения крестьян в атмосфере новых идей и планов вопрос об ответственности церкви за религиозно-нравственное воспитание народа стал рассматриваться как насущный. Есть свидетельства, что Александр II был очень тронут тем, что некоторые священники по собственной инициативе обучали крестьянских ребятишек у себя на дому первоначальной грамоте. В 1858 г. император одобрил этот опыт и просил епархию распространить его, обязав «ежемесячно доносить о ходе этого дела» лично ему.

Усилия епископов, поддержанных приходским духовенством, привели к возникновению значительного числа церковно-приходских школ. Православное духовенство, признавая необходимость образования, полагало, что грамотность — великая сила. По словам митрополита Филарета, это сила, «которой суждено иметь на народное благочестие и нравственность решительное влияние, спасительное или губительное, смотря по тому, какое направление ей будет сообщено» [10, с. 210].

Во второй половине XIX в. вопрос об устройстве начального образования был центральным в отношениях Святейшего синода и Министерства народного просвещения. По мнению С. И. Алексеевой, «с 1859 г. руководящим началом в школьной политике Синода стала мысль о самостоятельном ведении начального народного образования» [1, с. 223]. Синод пытался отстоять церковно-православную школу, свободную от западноевропейского влияния, в качестве общей модели начального народного образования в России. Именно этот вопрос был поставлен духовным ведомством перед правительством в 1859 г.

В феврале 1860 г. по инициативе министра народного просвещения Е. П. Ковалевского был подготовлен первый проект, исходивший из необходимости сосредоточить заведование народным образованием в Министерстве народного просвещения. Проект Е. П. Ковалевского предусматривал введение в России всеобщего начального образования. Не обладавший поддержкой при дворе, либеральный министр был вскоре смещен, но в скором будущем новый министр А. В. Головин возобновил требование Е. П. Ковалевского о передаче всех начальных школ в Министерство народного просвещения.

Решение, принятое Александром II, носило половинчатый характер. Высочайшее повеление от 18 января 1862 г. сохранило руководство народными школами в тех ведомствах, которыми они были открыты. Церковно-приходские школы оставались в ведении Синода, а там где их не было, открытие школ поручалось Министерству народного просвещения по соглашению с соответствующими ведомствами. Документ не конкретизировал полномочий Синода и Министерства народного просвещения в отношении начальной школы, оставляя широкое поле для соперничества.

В законодательном плане вопрос об организации начального народного образования был вновь поставлен в первой половине 1864 г. Поводом послужила земская реформа 1 января 1864 г., наделявшая земства правом руководства, строительства и управления местными школами. Четырнадцатого июня 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах», которое отдавало церковно-приходские школы в руки училищных советов, составленных из чиновников Министерств народного просвещения и внутренних дел, а также представителей учреждений, которые содержат школы. Председателем губернского училищного совета назначался епархиальный архиерей, что можно рассматривать в качестве уступки духовному ведомству.

Как видим, столкнувшись с необходимостью решения вопроса о том, каким должно быть начальное народное образование — светским или духовным, в чьих руках оно должно находиться — в руках церкви или государства, «царь-освободитель» не стал на сторону церкви. И дело здесь, конечно, не в личных симпатиях или антипатиях Александра II. Его позиция достаточно точно, на наш взгляд, комментируется в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР»: «Это решение, конечно, не являлось лишь субъективным волевым актом императора. Оно было обусловлено целым рядом объективных причин, в том числе нежеланием ограничивать функции государственной власти на одном из важнейших участков идеологического и политического руководства общественной жизнью, а также надеждой правительства на незатруднительное в будущем управление народной школой через аппарат ведомства просвещения. Но главное, что заставило Александра II отказаться от передачи начального образования в руки духовенства, — это боязнь освободительного движения 60-х гг. с его резким антицерковным настроением и требованием общественного участия в делах народной школы» [6, с. 77].

Безусловно, наиболее заметным результатом образовательных реформ 1860-х гг. стало появление земской школы, которая в значительной мере была независимой от государства и церкви. Она оказалась действительно демократическим образовательным учреждением, в котором дети из народа приобретали знания, ориентированные на практическую жизнь и являвшиеся основой для получения дальнейшего светского образования. Кроме того, замечает Е. А. Плеханов, «на земские школы передовая русская интеллигенция возлагала большие социальные надежды. С их распространением связывалось не только просвещение народа, но и формирование граждан новой России, воспитание свободных и прогрессивно мыслящих людей. Этим обстоятельством и объясняется та острая борьба, которая развернулась в пореформенный период в области народного образования между демократической общественностью, государством и церковью» [7, с. 70].

Эту борьбу во второй половине 60-х — 70-х гг. церковь явно проиграла. Перед земскими финансовыми возможностями и влиянием светской администрации ничем не обеспеченная и оставленная в немилости церковная школа выстоять не могла. Церковно-приходские школы стали постепенно приходить в упадок, исчезать, а многие просто передавались в полное ведомство земств. По сведениям из отчета синодального обер-прокурора, в 1865 г. церковных школ

насчитывалось 21420, а в 1880 г. — всего 4348 [1]. Многие из этих школ влачили жалкое существование.

Все это, впрочем, не значит, что церковь вообще была вытеснена из сферы образования и власть не нуждалась в ее идеологической поддержке. Напомним, что согласно «Положению» 1864 г. начальная народная школа должна была, в первую очередь, «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия», и эта цель реализовывалась в содержании школьного обучения, в учебных планах, программах и т. д.

О необходимости усиления идеологического воздействия духовенства на учебные заведения всерьез стали говорить после покушения Каракозова на Александра II, когда император в упоминавшемся ранее рескрипте от 13 мая 1866 г. предписал направить воспитание юношества в «духе истин религии». Однако в реальной практике вплоть до конца 1870-х гг. это «направление» было весьма ограниченным и духовенство фактически оставалось в начальной школе на вторых ролях.

Но постепенно в правящих кругах растет обеспокоенность как общим падением нравов в связи с развитием капиталистических отношений, так и народнической, в том числе террористической, деятельностью. В правительстве все больше сторонников стало приобретать мнение, что школа не справляется со своей главной задачей — религиозно-нравственным воспитанием подрастающего поколения. В частности, в адрес земской школы появились упреки в том, что она отдает приоритет общеобразовательным знаниям в ущерб формированию религиозного мировоззрения и нравственному воспитанию.

Доля истины в этих упреках, скорее всего, была. Это признает и такой горячий сторонник земской школы, как П. Ф. Каптерев. Хотя и с оговорками, он соглашается с тем, что церковная школа «стремится к воспитательности», и далее пишет: «В земских школах такого стремления меньше, там приобретение знаний и развитие ума сильно выдвигаются на передний план, придавая школе несколько односторонний вид — школа умственных упражнений, умственной гимнастики» [3, с. 464]. А вот мнение еще одного известного педагога второй половины XIX в., инициатора создания земских школ в России Н. А. Корфа: «Школа, которая не воспитывает, которая не внушает ребенку религиозного чувства и вместе с тем правил нравственности, а только обучает, — не школа: это вертеп будущих разбойников» [4, с. 12]. Неудивительно, что в правящих кругах нашлись люди, которые такой «вертеп будущих разбойников» увидели в земской школе.

После очередной попытки покушения на жизнь Александра II правительство начало осознавать, что бороться с революционным террором только репрессивными мерами невозможно. В апреле 1879 г. было созвано Особое совещание для выяснения причин быстрого распространения в среде молодого поколения «разрушительных учений» и изыскания действенных практических мер, способных положить предел их «растлевающим влияниям». Члены Особого совещания среди средств, которые могли бы «послужить к прекращению преступной деятельности злоумышленников и предупреждению развития лжеучений, имеющих целью поколебать основные государственные законы», называли реформу начальной школы, которая должна предоставить «надлежащее влияние на народное образование» православному духовенству» [2, с. 55–56].

В дальнейшем этот вопрос еще не раз поднимался на заседаниях Комитета министров. Выделим то из них, которое состоялось уже в новое царствование — 17 марта 1881 г. На этом заседании выступил К. П. Победоносцев (обер-прокурор Святейшего синода с 1880 г.), который сосредоточил внимание не на проблеме усиления роли духовенства во всех начальных школах, а на роли церковно-приходских школ в народном образовании. Им было отмечено, что эти школы «по самим условиям существующего в них обучения и надзора представляют собою гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и потому заслуживают особых со стороны правительства поддержки и поощрения» [9, с. 650].

Тринадцатого июня 1884 г. Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах», согласно которым эти школы должны были стать основной формой обучения крестьянских детей. «Школы сии, — говорилось в "Правилах", — имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». После принятия «Правил» началось систематическое финансирование церковно-приходских школ.

Руководство церковно-приходскими школами осуществлялось специально созданным органом — Училищным советом Святейшего синода. Поэтому школы эти с полным основанием можно считать государственными, ведь уже к началу XIX в. Синод, по сути, превратился в одно из «министерств» в системе центральных государственных органов России. С 1891 г. к духовному

ведомству были приписаны и уже известные нам крестьянские школы грамоты, открывавшиеся в России на средства самих сельчан, где учителем мог быть любой грамотный человек.

По содержанию обучения церковно-приходская школа определялась как начальное вероучительное и общеобразовательное учебное заведение. Она должна была выполнять двоякую функцию. С одной стороны, формировать духовно-нравственные качества личности ребенка (вера в Бога, любовь к Отечеству, почитание старших, трудолюбие, прилежание, чувство долга и моральной ответственности). С другой стороны, развивая учащихся, церковно-приходская школа обязана была передать детям «полезные для жизни практические знания» (чтение, письмо, арифметика).

Если ранее в церковно-приходских школах содержание образования не имело четких очертаний, учебный год мог произвольно удлиняться или укорачиваться, а многие школы не имели и своих помещений, то теперь ситуация изменилась. Был определен статус и учебный план одноклассной (3 года) и двухклассной (4 года) церковно-приходской школы, в их содержании обучения большое место стал занимать светский компонент. В одноклассной школе преподавались Закон Божий, церковное пение, церковно-славянская грамота, чтение, письмо и арифметика. В двухклассной к ним прибавлялись начала истории, географии, черчения и рисования.

Учебные программы церковно-приходских школ во многом совпадали с программами других начальных школ, а к началу XX в. стали полностью им идентичны. С середины 80-х гг. XIX в. начинается укрепление и быстрое развитие сети церковно-приходских школ, которые к концу XIX в. составили около половины всех начальных школ России.

На первое место в этих школах, естественно, ставилось «воспитание в церковно-православном духе», а потому Закон Божий был ядром учебного курса. Особое внимание уделялось пению, которое не выступало обязательным предметом, но приветствовалось ввиду силы эмоционального воздействия на прихожан — учащихся и их родителей. Для учеников были обязательными чтение молитв утром и вечером, перед началом учебы и после ее завершения, посещение церкви в воскресенье и праздники, участие в религиозно-нравственных чтениях и церковном хоре.

Помимо религиозного воспитания и обучения детей основам грамоты на начальные церковные школы возлагалась задача укрепления в православной вере всего населения прихода. Для этого при школах предполагалось открытие вечерних классов и воскресных школ для взрослых, а в выходные и праздничные дни учителя обязаны были проводить религиозно-нравственные чтения для учеников и их родителей.

Быстрый рост количества церковно-приходских школ, повышение требований к уровню даваемого образования, развитие внешкольного образования — все это требовало огромной армии учителей, которые могли бы преподавать за относительно низкое жалованье все предметы курса, включая пение и Закон Божий. Между тем часть выпускников средних духовных учебных заведений (духовные училища, епархиальные женские училища, духовные семинарии) смотрели на школу как на временную работу: мужчины до появления вакантного места в приходе, женщины до замужества. Для многих выпускников средних учебных заведений Министерства народного просвещения работа в церковной школе была малопривлекательной ввиду низкой заработной платы и непрестижности работы в сельской местности. Ведомство православного исповедания столкнулось с проблемой нехватки учительских кадров.

Для ее решения принимались различные меры, в том числе и принудительные. В 1892 г. Синод предписал производить вычеты в размере одной трети из доходов тех священников, которые не занимались обучением в школе «по небрежности или неспособности к учительству». Одновременно было введено обязательное распределение выпускников духовных семинарий на учительские места в церковно-приходских школах, где они должны были отработать не менее 2–3 лет, без чего им не предоставлялись места священнослужителей.

В либеральной, а позднее и в советской историографии эти решения Синода комментировались с нескрываемым злорадством: «В отличие от высших деятелей Синода низшее духовенство вовсе не было кровно заинтересовано в церковно-приходских школах и не являлось в массе своей их ревностным поборником... В школьной работе значительная часть священников не усматривала для себя никаких материальных выгод, напротив — только лишнюю обязанность и столь же лишнюю ответственность» [6, с. 86].

Безапелляционно утверждать, что «низшее духовенство» не было «кровно заинтересовано в церковно-приходских школах» главным образом потому, что «в школьной работе значительная часть священников не усматривала для себя никаких материальных выгод», вряд ли корректно. О роли «низшего духовенства» в народном образовании, к счастью, преобладают другие мнения. Одно из них принадлежит К. П. Победоносцеву — кстати, человеку, с ведома которого вышеупомянутые «принудительные меры» и были приняты: «Несмотря на крайнюю скудость сельского духовенства

в вещественных средствах, оно в заведенных им школах не только обучало народ без всякого вознаграждения, но нередко жертвовало под училища часть своего необширного помещения, иногда даже отдельные дома и очень часто суммы денег, скромные сами по себе, но весьма значительные по отношению к средствам жертвователей. В деле заведения народных школ и учительства в оных духовенство явило себя вполне достойным своего назначения» [8, с. 374].

Для улучшения деятельности церковно-приходских школ применялись, конечно, не только «принудительные меры». В 1896 г. в епархиях начинают открываться второклассные церковно-приходские школы с трехлетним курсом обучения. В них из выпускников готовили учителей для школ грамоты. Для подготовки учителей в церковно-приходские школы создали церковно-учительские школы, срок обучения в которых составлял также 3 года. Одновременно на преподающих в церковных школах распространили права, предоставляемые учителям школ Министерства народного просвещения (освобождение от действительной военной службы, льготы на обучение детей).

Все эти меры позволили значительно поднять уровень церковно-приходских школ к началу 1900-х гг. Даже известный либерал и борец с клерикализмом П. Н. Милуков вынужден был признать: «К концу XIX в. церковно-приходская школа действительно начинала становиться опасным конкурентом земской, отчасти благодаря тому, что при этом соперничестве ей пришлось сильно подтянуться, улучшить состав учителей и заменить двухлетний курс на трехгодичный» [5, с. 336]. Действительно, конкурировать с популярностью приходской школы среди крестьян могла только земская школа, ведь частных школ на селе было мало, а министерские открывались в волостных центрах, так что были труднодоступны для большинства сельчан.

Таким образом, к началу XX столетия церковная начальная школа прошла сложную трансформацию и превратилась в самостоятельную структуру, альтернативную Министерству народного просвещения. Она имела ряд неоспоримых преимуществ перед другими видами сельских школ: была доступна, полностью бесплатна для населения, дешева для государства. В лучших церковно-приходских школах духовно-нравственное и умственное воспитание осуществлялось с опорой на исторические, религиозные, нравственные, культурные традиции русского народа, на общечеловеческие христианские ценности. Церковно-приходская школа занимает свое достойное место в процессе демократизации отечественного образования.

Список литературы

1. Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.
2. Житнев Т.Е. Разработка правил 13 июня 1884 г. о церковно-приходских школах // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2004. №3. С. 55–73.
3. Каптерев П.Ф. История русской педагогики / предисл. Н.В. Бордовской; послесл. В.П. Борисенкова. СПб., 2004.
4. Корф Н.А. Наши педагогические вопросы. М., 1886.
5. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов. М., 1976.
7. Плеханов Е.А. Российская приходская школа 60–80-х гг. XIX в. // Педагогика. 2004. №8. С. 69–80.
8. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
9. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
10. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5, ч. 1. М., 1887.

Об авторе

Антон Витальевич Калачев — канд. пед. наук, доц., Волгоградский государственный педагогический университет, e-mail: anvit@list.ru

About autor

Dr. Anton V. Kalachev, Associate Professor, Volgograd State Pedagogical University, e-mail: anvit@list.ru